

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК

ВОЛГА

3-4 2019

Литературно-художественный журнал

Александр
ЛАЙКОВ

ПИСЬМО В ПРОШЛОЕ

А в саду поспели вишни.
На варенье липнут осы.
Воробей, как солнце, рыжий
Расширился с берёзы.

Вперевалку ходят гуси,
Слышен беглый звон гитары...
У окна, в зелёной грусти,
Я с компьютером гитарю.

Деревенские напевы
И пейзажи - сплошь шедевры!
Вон бельё полощут девы,
Все прекрасны, как Венеры...

Хорошо на тихой речке
У кувшинок и осоки!
Наши годы быстротечны,
Думы - благостно-высоки.

И мои друзья-поэты
В меркантильную эпоху,
Неподкупные, как дети,
Разговаривают с Богом.

-
- Александр Дмитриевич Лайков родился в 1953 году в посёлке Икрязное Астраханской области. После окончания Астраханского педагогического института работал учителем в сельской школе, служил в частях ПВО, был корреспондентом и редактором газет, заместителем редактора литературного журнала «Симбирскъ». Один из создателей и составителей ульяновских альманахов «Карамзинский сад» и «Беседка муз» журнала «Симбирскъ», поэтических полос и сборников местных литераторов. Автор поэтических сборников «Из пепла и света», «Подкова в золе», «Зимородок» и других. Публиковался в литературных изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Калининграда, Поволжья и Сибири. Стихи А. Лайкова вошли в антологию «Ульяновская словесность: начало 21 века» (Ульяновск), переведены на венгерский язык и опубликованы в журнале «Зов» (Будапешт). Лауреат нескольких журналистских премий поэтической премии им. Николая Благова, Международного поэтического конкурса им. Игоря Григорьева, литературного конкурса им. Мусы Джалиля в Астрахани, конкурса одного стихотворения в Красноярске и других. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Ульяновске.

В ИКРЯНОМ

*Отечества и дым
Нам сладок и приятен!*

Гавриил Державин

Вот опять я босой, без рубашки и кепки
В жаркий полдень стою на пригорке крутом,
Где мои православные русые предки
Всея артелью над Волгой поставили дом.

Стал посёлок намного уютней и краше!
И, как век, опалённый тугим кумачом,
Обложился по самые древние крыши
Красно-бурым и белым кой-где кирпичом.

На высоких верандах – корзины черешен.
Не в печах, а в духовках пекут пироги.
Красотища кругом! Да не видно скворечен,
И беднее уловы из вечной реки...

Отступает вода. Дальний берег всё ближе.
Всё слышней над раkitником гомон грачат!
А над жёлтым песком головёнки мальчишек,
Точно крепкие шляпки опёнков, торчат!

Зной густеет, как сок передавленной сливы.
Выгорает трава вдоль седых берегов...
По горячей тропе я спускаюсь к заливу,
В голубую прохладу, как в толщу веков.

Все печали мои как рукою снимает,
Утишается боль, отступает беда!
Кто сказал, что живую вода не бывает?
В речках детства осталась живая вода!

Я наплаваюсь всласть и взойду на пригорок
Просветлённым душой и таким молодым!
...Дым Отечества сладок, приятен и горек.
Только где он, Отечества сладостный дым?

По-над Волгой туман. Красный бакен мигает
Догорающим углем в древесной золе...
Клён печально шумит – клён меня понимает,
Прикипая корнями к родимой земле.

Галине Антончик

Листья ложатся мазками Ван Гога,
Старые птицы сбиваются в круг.
Сколько шагов остаётся до Бога?
Сколько ещё мы напишем, мой друг?

Первая изморозь тронула травы,
Свищет над Волгой норд-вест ледяной...
Нет, я не жажду ни денег, ни славы –
Лишь бы Россия осталась со мной!

В мокром саду покосилась ограда,
Падают яблоки – «белый налив».
Как хорошо в кутерьме листопада
Тихо насвистывать бодрый мотив!

Но заколочены ставни у дома,
Лозунг трепещет на шляпках гвоздей...
Я – современник эпохи разлома
И меркантильно-бесовских страстей.

Бедные души темнее, чем готы.
Что там потомок расскажет о нас?
Слово родное выходит из моды,
И зарастает тропа на Парнас.

Змейкой железною вьётся дорога,
Тянет полынью и пылью разлук.
...Сколько шагов остаётся до Бога,
Что же ещё мы напишем, мой друг?

Солёные ветры Икрянку хлестали,
В оглоблях бугров бунтовала река,
И шлюпок дюралевых гончие стаи
В косматых бурунах чесали бока!

Моторы, зверея, натужно ревели,
И пена к бортам прикипала, как шерсть!
Я правил на бакен и брал чуть правее,
Отец приготавливал вёсла и шест.

И вот, зачерпнув кипячёной латуни,
Рывком проскочили капканы беды.
Какое раздолье! Но в мутной лагуне
Разводья бензина да ряски следы...

Торчат одинокие прутья рогоза,
В зелёную тину зарылся налим,
И чахнет в мазуте «каспийская роза»,
Царапает днище рогатый чилим.

И нежный фламинго, как призрак сказаний,
Мелькает всё реже над жёлтой грядой...
...Но черпают накипь бортами «казанки»,
И глохнут моторы над мёртвой водой!

*И зверьё, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.*

Сергей Есенин

Никогда не ходил на охоту,
Не губил я ни зверя, ни птицу
И частенько в проточную воду
Отпускал окуней и плотвицу.

В небесах мне, наверно, зачтётся,
Как спасал я скворчат от сороки,
И берёза с поклоном качнётся,
Что весной посадил у дороги.

Воробьи в несусветную вьюгу
Принесут мне рябины красной,
И порадует танцем белуга,
Что мальком поселил я на Каспий!

Животворной водицею брызнет
Мне в померкшие очи Волга...
Сам, быть может, я в будущей жизни
Обернусь в осетра или волка!

Это кто там окликнул меня
Школьным именем «Саня»
И, заветную тайну храня,
Бросил камешек в ставни?

Отразилась на стёклах слеза.
Тихо скрипнули двери.
И, как пчёлки, шальные глаза
Обожгли сквозь сирени.

Отсчитала кукушка года.
Обмелели протоки.
...Помнишь время смешное, когда
Пропускали уроки?

А потом зарядили дожди,
Обложили утраты.
Ты сказала печально: «Не жди» –
Но вернулась обратно.

Ах, какая сирень у плетня
Распустилась густая!
...Это кто там окликнул меня,
Бросив камешек в ставни?

Зачем по лезвию печали
Забрёл я в Карамзинский сад?
На ветках вороны кричали,
Кружился вялый листопад.

Листва желтела на скамейке
И плавала по кляксам луж,
И, как в новейшей киноленте,
Скользил по памятнику луч.

Карамзина безумно с пьедестала
Не свергли в окаянный век.
На небе туча выростала,
И время продолжало бег.

Вот здесь в обнимку мы сидели,
Сердца стучали в унисон...
Но соловьи давно отпели
Любовь, похожую на сон.

Тоскливо лицезреет Клио
Предзимний облетевший сад.
Но кто-то снова шепчет: «Милый...»,
Как сотни лет тому назад.

ВИРТУАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Шорох звёзд
И сплошные дожди листопада.
Пристань первой любви
И нечаянных встреч.
Где ты,
Милая девочка из Ленинграда,
С горькой нежностью губ
И обветренных плеч?

Никакой Internet
Нас с тобою не свяжет,
Электронная почта
Не сможет помочь.

Возраст первой любви
Виртуален и тяжек
И стыдливо-восторжен,
Как брачная ночь!

В Петербурге знобит.
С адресами накладка:
Я все письма твои
Принимаю за «спам»!
...Не пиши. Не звони.
SMS-ок не надо!
И, ты знаешь,
Прости – я боюсь телеграмм.

Я бреду наугад
В кутерьме листопада,
Тополя
Опływают огарками свеч...
Ленинградка моя!
Больше нет Ленинграда.
Как же так?
Не сумели любовь мы сберечь.

В Карамзинском саду облетает листва
И ложится на плечи божественной Клио...
Холодок – на душе, в серебре – голова,
И горчит, на ветру пламенея, калина.

Стало меньше тепла, зарядили дожди,
А вчера ещё яркое солнце светило!
...Как в заветную осень тропинку найти,
Где меня ты бесстрашно и нежно любила?

Где шалун-ветерок заползал в рукава,
Теребил твоё платье из лёгкого ситца...
На припухлых губах замирали слова,
И горячий висок задевали ресницы.

Чуть кружилась от счастья моя голова.
А теперь я хандрю, и на сердце тоскливо...
Пахнет коркой арбузной резная листва
И роится у плеч замерзающей Клио.

ПИСЬМО В ПРОШЛОЕ

«...А написать ты можешь в Ленинград, Надежде.»

«Пионерская правда»

«Вот опять за окном темно,
На деревья ложится снег...»
Тишина, как в немом кино.
Никого со мной рядом нет...

Где-то далеко-далеко
Прошлый век. Зима. Ленинград.
Фонари над Невой-рекой
Как-то тускло совсем горят...

Но в душе до сих пор светло
От твоих заповедных строк.
Мне на письма всегда везло,
С пионерских ещё костров!

Но теперь не узнать страну.
Я твой адрес едва нашёл.
Писем я твоих не верну,
А стихи у обрыва сжёг...

И развеяла ты сама
Миражи виртуальных встреч.
И летали клочки письма
У твоих обнажённых плеч...

Затерялись в пути слова.
Ленинграда на карте нет!
Но всё так же течёт Нева
И заманчив Невский проспект.

И два столбика из письма
В память врезались мне навек:
«За окошком опять зима.
Как живёшь, родной человек?»

Видно, жизнь моя пошла на убыль
И не то чтоб слишком удалась...
Женщину в обветренные губы
Я целую как в последний раз.

Женщину – любимую, родную,
Мать моих обеих дочерей,
Грешную, как небо, и земную,
Негасимый свет моих очей.

Слава Богу, в меркантильном мире
Есть любовь и есть ещё душа!
Я люблю! И, что б ни говорили,
Ты, как бабье лето, хороша!

Слава Богу, нам на белом свете
Хоть в любви до гроба повезло.
Милая, ты опускаешь веки,
Вижу, под глазами натекло...

Не печалься! В воздухе осеннем,
Посмотри, какая благодать!
Я люблю тебя и всё острее
С грустью начинаю понимать:

Жизнь моя, видать, пошла на убыль.
Сколько остаётся про запас?
Женщину в обветренные губы
Я целую, будто в первый раз!

РЯБИНА

Слава Богу, октябрь, и природа развесила
Красно-бурые яблоки, гроздья рябин.
Я люблю середину червонного месяца
Больше всяких других золотых средин!

На асфальте листва – разноцветными пятнами.
А в дремучих лесах – половодье грибов!
В эту пору ходили девчата с ребятами
По грибы да по ягоды... и по любовь.

Бабье лето роняло плоды переспелые,
Полыхал на пригорке рябиновый куст.
И казалась ты мне откровенной и смелою,
С несказанной горчинкой на пламени уст.

Ах, рябина-рябинка – ядрёная ягода!
Ни налив золотой, ни шафран, ни ранет...
Пусть другие вкушают янтарные яблоки –
Для меня превосходней той ягоды нет!

Вновь опёнки бравируют крепкими шляпками,
Соблазняет антоновка сочным плодом...
Только ты не встряхнёшь озорными кудряшками
С голубым, как лиман астраханский, бантом.

Наши годы летят – уж дочурки невестятся
И приносят янтарные гроздья рябин.
...Я люблю середину червонного месяца
Больше всяких других золотых средин!